

высшей бюрократии, который на основании закона имел право излагать их в форме документа и „объявлять“ за своей подписью Сенату для приведения в исполнение как повеления царя»².

Слишком общо истолкован термин «конвенция». В статье «Памятная записка» читаем как первое значение термина: «записка, содержащая краткое изложение устного заявления, сделанного и оставленного дипломатическим представителем одной страны дипломатическому представителю другой страны (см. Меморандум)». Во-первых, оставить устное заявление нельзя. Оставляют, как видим, его краткое изложение. Во-вторых, получается, что памятные записками могут обмениваться лишь дипломатические представители двух государств, аккредитованные в каком-либо третьем государстве. Кстати, указание на статью «Меморандум» отсылает за пределы словаря: в нем ее нет.

В статье «Рецензия» находим: «документ (литературно-критическая статья), содержащий анализ, оценку художественного произведения, научного труда и т. д.». Не каждая литературно-критическая статья — рецензия, и не каждая рецензия — литературно-критическая ста-

тья (напр. данная рецензия не имеет отношения к литературной критике).

Если в статьях «Прейскурант», «Ценик» вместо употребленного там термина «расценки» поставить его толкование, данное на своем месте в словаре, то возникает некая неясность, свидетельствующая о нечеткости и «неприглядности» некоторых формулировок. На с. 71 сказано о «неподчиненных между собой» учреждениях. Нельзя быть в подчинении «между собой».

Непоследовательно употребляется помета «см.». Порой ее нет там, где она должна быть. Это дезориентирует. Например, в статье «Журнал» упомянуты «журнал наблюдений, журнал боевых действий, вахтенный журнал, журнал входящих и исходящих документов». В словаре есть статьи «Журнал боевых действий», «Вахтенный журнал» и нет статей, посвященных двум другим разновидностям журналов из числа названных. Отсутствие пометы мешает увидеть все это сразу.

В словаре есть опечатки, подчас искажающие смысл, например: «изображение земной поверхности зданий, сооружений...» (с. 44).

Разумеется, все отмеченное не может перечеркнуть большой работы, продланной составителями и, несомненно, представляющей заметное явление в соответствующей области знания.

Э. Ханпира

Велчо Велчев. Българо-руски литературни взаимоотношения през XIX-XX в. от Фонвизин до Горки.
София. 1974, 562 с.

Новая книга Велчо Велчева принадлежит к числу наиболее значительных научных достижений современной болгарской русистики. Автор собрал в ней свои статьи, напечатанные на страницах различных специальных научных изданий за последние три десятилетия. Заново переработанные и сведенные воедино, они позволяют проследить важнейшие этапы болгаро-русских литературных связей, начиная от ранних критических отзывов о первых проникавших в Болгарию произведениях русских писателей вплоть до Горького и творческого освоения их наследия в условиях утверждения социалистического реализма в литературе и искусстве Болгарии. Таким образом, перед нами целостный труд, в котором не только суммируются результаты многолетней плодотворной научной деятельности самого ученого в области русистики, но и подводятся итоги научной разработки истории болгаро-русских литературных связей в болгарском литературоведении.

Общий замысел книги раскрывается в теоретическом введении к ней, заостренном против буржуазного компаративизма и продиктованном стремлением к

раскрытию исторической закономерности литературных взаимоотношений в мировом литературном процессе. Исходя из этих предпосылок, Велчев делает предметом главного внимания болгарский национальный отпечаток в развитии русской литературы в Болгарии болгарскими писателями самостоятельное творческое развитие ее опыта и образов. Русская литература, приходит он к выводу, стимулировала гражданственность и реализм в болгарской литературе.

Историю болгаро-русских литературных взаимоотношений нового времени Велчев начинает с переводов и переделок русских повестей, в которых действие обычно переносится в Болгарию, а русские имена заменяются болгарскими: карамзинская бедная Лиза превращается в «спирту Цветанку», а Наталья — боярская дочь в Невянку — боярскую дочь. Уже в этом, еще наивном приспособлении русской литературы к болгарским общественным условиям он справедливо усматривает первые признаки стремления к национальному колориту и самобытности.

Отдельные главы книги отведены отношению к русской литературе ряда крупнейших болгарских писателей